

§ 2. Техноповедение и техноэйджизм людей старшего возраста в условиях цифровой трансформации

Сегодня цифровые технологии относятся к числу стратегических приоритетов развития инновационной составляющей большинства государств. Однако их влияние на общество двояко. Цифровая трансформация интенсифицирует развитие социальных и экономических систем, но она меняет устоявшийся порядок и принципы общественной жизни, что не всегда имеет позитивные следствия, формируя, в том числе, эффект ее неприятия некоторыми группами населения.

Вопросам построения информационного общества и цифровизации социальных процессов уделяется пристальное внимание в России и Беларуси. Государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. предполагает изучение социально-экономических перспектив и рисков развития процессов дигитализации Беларуси в контексте построения IT-страны, диагностику социокультурных условий и факторов цифровизации белорусского общества. Одним из приоритетных направлений научно-технической политики является создание «умных городов», с помощью которых могут решаться проблемы адаптации городского населения к цифровизации, его интеграции в процессы цифровой трансформации [1]. В России одной из задач национального проекта «Цифровая экономика» на 2018–2024 гг. выступает разработка концепции 50 «умных городов» (сюда входит создание Генеральной схемы развития сетей связи и инфраструктуры городов, системы отраслевого регулирования использования киберфизических систем, включая «Интернет вещей» и т. д.) [2].

Среди острых проблем, связанных с цифровой трансформацией, исследователи называют цифровое неравенство — ситуацию, когда у какой-либо группы людей отсутствует или ограничена возможность доступа к современным информационным технологиям, а также к овладению цифровыми компетенциями [3, 4, 5, 6-8]. Цифровое неравенство является сложным

многоуровневым понятием, имеющим много форм проявления, куда входят: технологически обусловленное неравенство (отсутствие или неразвитость соответствующей информационно-коммуникационной и технологической инфраструктуры); неравенство, вызванное социально-экономическими факторами (низкий уровень дохода, ограниченный доступ к овладению цифровой грамотностью, отсутствие соответствующих навыков и компетенций); неравенство демографического и культурного плана, затрудняющее процесс овладения новыми технологиями. Цифровое неравенство часто приводит к такому явлению, как техноэйджизм. Этот термин понимается в статье как явление социального порядка, представляющее собой социокультурное давление на людей пожилого возраста в результате цифровизации сферы их профессиональной деятельности [9]. Мы исходим из того, что распространение цифровых технологий в сфере труда приводит к дискриминации работников старших возрастных групп, не обладающих достаточными знаниями и навыками применения в профессиональной деятельности продуктов информационно-коммуникационных технологий.

Пожилые люди, то есть лица 60 лет и старше (по классификации ВОЗ именно они относятся к пожилым¹), оказываются особенно уязвимыми в условиях, когда цифровизация уже распространилась на все сферы жизни. Поскольку большинство пожилых проживают в городах², потенциально они могут использовать имеющиеся преимущества городских условий, все более концентрирующих достижения цифровой революции, однако по ряду причин, о которых речь пойдет ниже, часто не в состоянии делать этого.

Пожилые люди составляют значительную часть общества. По статистике Всемирного банка, Беларусь вместе с Японией и Болгарией входят в число стран с самой высокой долей пожилых людей. В Республике Беларусь на начало 2019 г. более пятой части населения относилась к пожилым, причем за последние 10

¹ <https://www.who.int/>

² По данным статистики, на начало 2019 г. 71,6% белорусов пожилого возраста проживают в городах [14]. В РФ этот показатель на 1 января 2020 г. составил 73,6% [17].

лет численность лиц этой группы увеличилась на 18,2% [10]. В РФ схожая ситуация — прирост численности пожилых граждан за последние 10 лет составил 20,6% [11]. Эти цифры, как неизбежный итог современных демографических тенденций, подтверждают важность проблемы вовлечения пожилых горожан в цифровые трансформации.

Целью статьи является анализ особенностей техноповедения пожилых горожан в сфере труда и быта, а также путей «смягчения» техноэйджизма, с которым сталкиваются пожилые. Задачи статьи: 1) обозначить существующие проблемы вовлечения в цифровизацию горожан старшего возраста, на основе описания социальных эффектов цифровой трансформации современной жизни; 2) выявить проявления техноэйджизма в условиях цифровизации сферы труда (на примере авторских исследований, проведенных в Санкт-Петербурге и Минске); 3) рассмотреть взаимосвязь профессионального техноэйджизма и в повседневной сфере жизнедеятельности пожилых людей; 4) наметить возможные алгоритмы смягчения последствий техноэйджизма для пожилых горожан.

Эмпирическая база для решения обозначенных задач имеет качественно-количественную природу и включает: 1) результаты телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга, посвященного обучению и использованию цифровых технологий в труде (опрос по стратифицированной выборке, $n=1\ 000$)¹; 2) тексты глубинных интервью, проведенных в одной из успешных белорусских компаний из Парка высоких технологий (2020 г., $n=40$, для статьи отобраны только ответы информантов старше 50 лет — 11 чел.). Телефонный опрос использовали для иллюстрации степени вовлечения пожилых людей в новые технологии в профессиональной деятельности, тексты глубинных интервью демонстрировали восприятие ими данной ситуации «изнутри» (как

¹ Из 1 000 опрошенных сформировалась подвыборка, включающая 68% респондентов, которые оказались работающими людьми. Половозрастные характеристики опрошенных работающих граждан соответствовали общей структуре трудоспособного населения города. Исследование проведено на базе ресурсного Центра социологических и интернет-исследований Научного парка СПбГУ в 2019 г.

именно это происходит, что влияет на вовлечение работников старшего возраста в цифровую трансформацию).

Решение поставленных в статье задач иллюстрирует дальнейшие перспективы проведения исследований в сфере, в которой ощущается дефицит работ, посвящённых анализу динамики процесса исключения пожилых людей из цифровой трансформации (с чего он начинается, какие стадии проходит, какие факторы на него влияют и т. п.). Существующие на данный момент исследования сфокусированы, в основном, на результатах такой эксклюзии. Они показывают, как можно сократить имеющиеся цифровые разрывы, то есть превратить пожилого человека в пользователя персонального компьютера [2], выявить причины и потребности старшего поколения в освоении и использовании интернет-технологий [12], обозначить риски включения в интернет-пространство пожилых пользователей [13, 9]. Новизна предлагаемого в статье подхода состоит в том, что внедрение цифровых технологий в профессиональную деятельность и повседневный быт горожан рассматривается не как параллельные траектории, а как взаимосвязанные процессы. Мы полагаем, что между ними существует большое количество пересечений — техноэйджизм на рабочем месте (включая работников предпенсионного возраста) приводит к негативным последствиям в повседневной жизни — когда человек завершает трудовую деятельность или оказывается в вынужденной изоляции (как во время пандемии *Covid-19*). С другой стороны, «цифровое отставание» в повседневной жизни сужает границы вовлеченности людей предпенсионного возраста в трудовую среду, создавая объективные предпосылки распространения техноэйджизма.

Цифровая трансформация и техноповедение пожилых горожан

Современные представления о цифровом городе («Умный город 2.0») характеризуются активным смещением от технологического (количество, сложность, разнообразие используемых технологических решений) к социальному, поведенческому аспекту (степень охвата горожан цифровыми

технологиями и их влияние на качество городской жизни). Главная задача новых технологий — сделать жизнь современного жителя города проще, безопаснее и качественнее. Не случайно большинство используемых в городах цифровых решений преимущественно сосредоточены в сфере услуг (использование интернет-мессенджеров, интернет-банкинг, мобильный банкинг, заказ и покупка товаров через интернет, интерактивное телевидение, просмотр онлайн трансляций, услуги онлайн-регистрации и покупки билетов через интернет, электронные платёжные системы и т. д.). Цифровые технологии «умного города» способствуют достижению ряда положительных результатов. Они позволяют снизить смертность на 8–10%, повысить оперативность реагирования на чрезвычайные ситуации на 20–35%, сократить среднее время в пути на работу и с работы на 15–20%, снизить заболеваемость на 8–15%, сократить выбросы парниковых газов на 10–15% [14]. Поэтому цифровизация городской среды должна использоваться для роста качества жизни горожан, сохранения и приращения человеческого капитала, стимулирования устойчивого экономического развития. Информационные технологии в таком ракурсе превращаются из самодостаточной цели в средство, инструмент построения качественной городской среды, а целями становятся человекоориентированность, инклюзивность и устойчивое развитие.

Социальные эффекты цифровой трансформации определяются тем, насколько горожане вовлечены в использование цифровых решений, то есть *информированы об их наличии (1), имеют достаточный уровень доходов для приобретения технических устройств и оплаты телекоммуникационных услуг (2), а также обладают соответствующими навыками и компетенциями (3)*, необходимыми для уверенного применения новейших технологий в повседневных практиках (при этом важно одновременное сочетание всех трёх компонентов). При расхождении между *доступностью* современных цифровых решений и их *реальным использованием* в повседневных практиках людьми разных возрастных групп, положительные социальные эффекты цифровизации городской среды ослабевают. Наиболее

уязвимой социальной группой с точки зрения вовлечённости в цифровую трансформацию является именно пожилое население, образ жизни которого ранее не предполагал использования цифровых технологий в качестве инструмента достижения повседневных целей. В результате, пожилые люди чаще других возрастных групп исключаются из цифровой трансформации и не имеют возможности использовать её преимущества для улучшения качества жизни. Причины сложившейся ситуации требуют пристального внимания исследователей.

Из трёх вышеперечисленных условий, определяющих вовлечение пожилых горожан в цифровую трансформацию — осведомлённость, достаточный уровень дохода и обладание необходимыми цифровыми навыками, наиболее проблемным, с нашей точки зрения, является последний (*наличие у пожилых людей необходимых цифровых навыков*¹). Цифровые навыки являются продуктом не столько образования, сколько социализации. Как правило, овладение цифровыми технологиями происходит не в формате традиционного обучения (в школе, университете), а в ходе решения прикладных задач как в повседневной, так и в профессиональной деятельности. Пожилые люди часто дистанцируются от цифровой среды ещё на этапе профессиональной жизни, когда задачи, связанные с использованием и освоением новых технологий, поручают более молодым сотрудникам. В результате, осуществляется их дискриминация на рабочем месте, стимулирующая отчуждение пожилых от цифровой трансформации. Рассмотрим этот феномен подробнее.

¹ Под цифровыми навыками обычно понимают совокупность умений использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для поиска и управления информацией, создания и распространения цифрового контента, взаимодействия и сотрудничества, а также для решения проблем в контексте эффективной и креативной самореализации, обучения, работы и социальной активности в целом.

Цифровизация сферы труда и технoэйджизм в профессиональной деятельности

Современные информационно-коммуникационные технологии прочно вошли в трудовые практики населения. По результатам телефонного опроса, проведённого в Санкт-Петербурге, большинство работающих горожан умеют пользоваться как различными техническими устройствами (персональный компьютер, копировальная техника), так и интернетом (поисковые программы, мессенджеры, социальные сети), *табл. 1*. При этом границы между «профессиональными» и «бытовыми» цифровыми технологиями постепенно исчезают — такой «развлекательный» элемент всемирной паутины, как социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники), всё чаще превращается в рабочий инструмент. Но если рассмотреть практику использования новых технологий работниками старше 50 (лица предпенсионного и пожилого возраста), то картина меняется — разница может быть в 2 раза и более (в случае с интернет-мессенджерами и облачными хранилищами).

Таблица 1.

Распределение работающих горожан по использованию цифровых технологий в профессиональной деятельности в зависимости от возраста, %

Постоянно или часто используют	18–49 лет	50 лет и старше
Персональный компьютер или ноутбук	71	56
Копировальную технику	57	43
Офисные программы (Microsoft Word, Excel)	58	42
Интернет-поисковики (Google, Yandex)	61	40
Интернет-мессенджеры (Telegram, Skype, Viber)	49	22
Облачные хранилища	34	16
Социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники)	29	17

Наиболее заметен разрыв в отношении различных интернет-технологий (особенно поисковиков и мессенджеров), которые могут помочь в решении как профессиональных, так и повседневных задач (записаться на приём к врачу, заказать услугу или товар, оставаться на связи с близкими). Как показывают исследования, после 55 лет люди пользуются интернетом ограниченно, в основном изучают информацию о товарах и услугах и общаются в социальных

сетях. Однако только 10% возрастных пользователей делают покупки онлайн [15].

Глубокое погружение в цифровые сервисы (владею в полной мере или скорее владею) не только способствует формированию у работников разнообразных цифровых навыков (табл. 2), но и мотивирует на дальнейшее обучение и саморазвитие. В нашем исследовании каждый четвёртый опрошенный считает компьютерную грамотность необходимым условием для выполнения трудовых функций. У пожилых людей также наблюдается мотивация к приобретению навыков использования цифровых продуктов, но она имеет другие основания. В первую очередь, чувство одиночества побуждает данную категорию населения приобщаться к цифровым продуктам. Гораздо в меньшей степени мотиватором становится желание профессиональной переподготовки или развития [16].

По этой причине владение цифровыми навыками в профессиональной деятельности у лиц 50 лет и старше приблизительно в 2 раза ниже, чем у более молодых работников, что отражено в табл. 2. Использование сложных, профессионально ориентированных приложений и цифровых инструментов оказывается еще более затруднительным.

Таблица 2.

Распределение работающих горожан по владению цифровыми навыками в профессиональной деятельности в зависимости от возраста, %

В полной мере или скорее владеют	18–49 лет	50 лет и старше
Электронной почтой	90	51
Поисковыми системами (Google, Yandex)	90	52
Различными профессиональными программами (Photoshop, Autocad)	48	15
Информационно-аналитическими системами (Консультант+)	31	13
Программами для управления ресурсами предприятий	33	19
Программированием (например, Python)	18	3

Данные опроса показывают, что исключение работников старшей возрастной группы из цифровой трансформации сказывается на формировании у них цифровых навыков и на развитии мотивации к обучению компьютерной

грамотности — желание повышать цифровую грамотность с возрастом только уменьшается, как показано на рисунке 1.

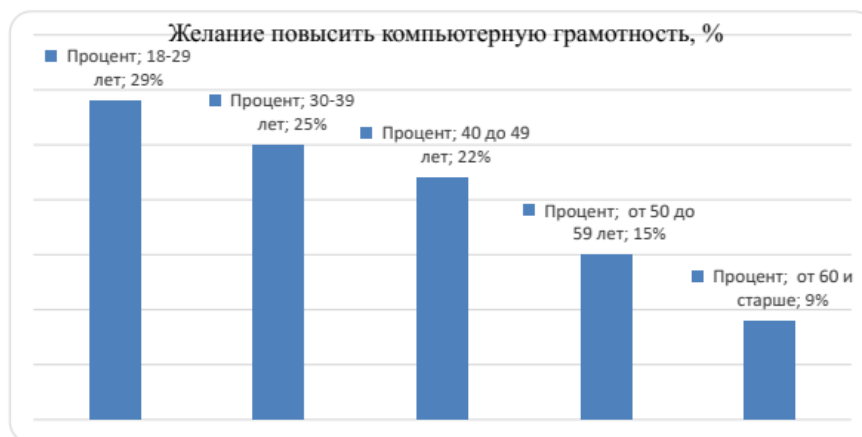

Рис. 1. Желание людей разного возраста повышать компьютерную грамотность

Наиболее существенная разница между представителями разных возрастных групп проявляется в возможности пользоваться различными профессиональными программами (в 3 раза меньше) и программировать (в 6 раз меньше) — то есть теми инструментами, которые дают возможность не только иметь дополнительный заработок, но и работать удалённо в случае необходимости (например, в условиях пандемии). Иными словами, ограниченное использование новых технологий работниками старше 50 лет не только ухудшает формирование у них цифровых компетенций и снижает мотивацию на обучение компьютерной грамотности, но и негативно влияет на адаптационные возможности в случае каких-либо кризисных ситуаций. Возникает вопрос — каковы причины исключения людей старшего возраста из цифровой трансформации?

Тексты глубинных интервью позволили предположить, что главной социальной причиной эксклюзии пожилых в процессе технологического обновления предприятия или компании является техноэйджизм. Как правило, при обновлении профессионального оборудования, активного внедрения в

практики внутренних коммуникаций новых технологий люди старшего возраста без видимых причин смещаются с занимаемых ранее позиций (как с официальным изменением должности, так и без) или же утрачивают связь с происходящими внутриорганизационными процессами, не имеют возможность «развиваться вместе с компанией». К такому выводу авторы пришли на основе анализа текстов глубинных интервью: так, все случаи техноэйджизма, о которых говорили информанты в исследовании, были связаны с каким-либо технологическим обновлением компании и приводили к «уходу в сторону» или к «отдалению от компании».

Рассмотрим это явление подробнее. Эйджизм, как создание стереотипов и дискриминация отдельных людей или групп по возрастному признаку¹, является актуальной проблемой прежде всего в отношении людей старшей возрастной группы. По некоторым данным, 60% горожан в той или иной степени имеют предубеждения в отношении пожилых людей [17]. При этом большинство эйджистских стереотипов связаны с *отрицанием социальной значимости людей старших возрастных групп, их «меньшей ценностью» по сравнению с людьми другого возраста* («молодым везде дорога», «будущее за молодыми») [15, 18].

Техноэйджизм выстраивается по сходному принципу. Приведем типичные высказывания глубинных интервью: *«Был такой момент, у нас обновилось всё оборудование, то, с чем я раньше работал, списали. Молодых отправили на обучение, а меня просто взяли и перевели в другой отдел, я больше монтажными работами не занимаюсь»; «Там обучение было на английском, решили, что целесообразно отправлять тех, кто лучше владеет языком. В основном это были те, кто помоложе, конечно»; «Раньше вот у нас рассылки были почтовые, лично каждому сотруднику приходили, а сейчас всё больше в Workplace². Мне*

¹ Определение, предлагаемое ВОЗ <https://www.who.int/>

² Корпоративная коммуникационная платформа, разработанная на базе социальной сети Facebook, включающая в себя такие возможности, как создание групп, отправка сообщений, обновление новостной ленты.

там тяжело следить за информацией, я постоянно что-то пропускаю важное, объявления какие-нибудь».

Анализ интервью позволил выделить три ключевые характеристики техноэйджизма на рабочем месте. Во-первых, в отличие от «обычного» эйджизма, техноэйджизм чаще **бывает автостереотипным** (представления о пожилом человеке как «отстающем» могут разделяться и у пожилых). Наши информанты пожилого возраста не всегда воспринимали исключение себя из технологических инноваций как дискриминацию, характеризуя сложившуюся ситуацию как *«стало проще», «спокойнее», «меньше ответственности», «получил хорошую должность», «и так хорошо» («Мне уже, наверное, и тяжело по объектам ездить, возиться с вышками, тем более, постоянно что-то новое появляется, не успеваешь угнаться. У меня таких амбиций, как у молодёжи, нет»; «У меня сейчас хорошая должность, я начальник отдела, зачем мне это? Лишняя головная боль только. А мне и так хорошо»).*

Во-вторых, процесс вовлечения в цифровую трансформацию пожилых горожан часто **сопровождается технострессом** (чувством тревоги, страхом упустить что-то важное) [19], что значительно снижает их адаптационные возможности и изнутри «подпитывает» техноэйджистские стереотипы. Пожилые работники особенно уязвимы перед технострессом; с одной стороны, они не имеют нужной практической и психологической подготовки к работе с новыми технологиями, с другой — вынуждены постоянно с ними сталкиваться (при этом в качестве стимула обучаться чаще всего выступает страх потерять работу, оказаться хуже других, остаться в одиночестве).

Рассмотрим конкретные проявления техностресса, выявленные в интервью. Эти тексты анализировали согласно стратегии обоснованной теории, которая предполагает концептуализацию исходных данных (были выделены две модальности в восприятии новых технологий пожилыми людьми — «агрессия» и «беспомощность»), объединение исходных кодов в две обобщённые категории («борьба» и «бегство»). «Борьба» с новыми технологиями предполагает стремление избегать их использования в профессиональной деятельности,

препятствовать их внедрению, выступать за возврат к традиционному («делать по старинке»). Это проявляется в стремлении минимизировать электронные средства коммуникации (предпочтение личных визитов вместо обращения в мессенджере), предпочтение почтовой рассылки вместо получения информации из ленты новостей в корпоративных социальных сетях, организации оффлайн (очных) совещаний вместо дистанционных (*«Пятиминутка с последними новостями от руководителя должна быть раз в неделю обязательно»*). «Боязнь» новых технологий проявляется как общая растерянность, неуверенность в себе, неспособность успевать за изменениями, контролировать использование технологий, справляться с большими потоками информации (*«Поток информации превратился в информационный шум, всё это очень сильно мешает работе, не даёт концентрироваться»*; *«Тебя заливают ливнем информации, которая идет с разных уровней, и вроде как надо всё просмотреть, но что с этим делать — непонятно, а время рабочее уходит»*).

В-третьих, **усиление цифровизации приводит к углублению цифрового неравенства** между работниками молодого и старшего возраста. К примеру, когда традиционное (очное) обучение в компании полностью переводится в онлайн режим, формируется своеобразный замкнутый круг: чтобы успешно справляться с профессиональными обязанностями, работнику нужно освоить новое программное обеспечение, чтобы освоить новое программное обеспечение — нужно владеть новыми технологиями, чтобы освоить новые технологии — нужно разбираться в программном обеспечении и т. д. (*«Обучение у нас на фирме теперь всё в формате онлайн проходит, а я к такому формату как-то не привыкла, не получается сорганизоваться, чтобы всё успеть, ну и технические трудности опять же имеют место»*).

Техноэйджизм в профессиональной деятельности получает продолжение в повседневной жизни. В результате, техноэйджизм на рабочем месте не только негативно сказывается на результатах труда, но и влияет на качество жизни пожилых людей, **повышая риск социальной исключённости**, который по своей

значимости уступает лишь риску бедности и материального неблагополучия [20].

Особенно остро данная проблема проявилась в условиях пандемии *Covid-19*. По нашему мнению, усугубляют ситуацию не только физиологические особенности организма пожилого человека (пожилые подвержены более высокому риску заражения и тяжелого течения заболевания) или перегрузка системы здравоохранения (неспособность врачей своевременно и в полном объёме оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся), но и меры физического дистанцирования, направленные на сдерживание распространения вируса у населения, особенно проживающего в густонаселённых городах (Москва, Санкт-Петербург, Минск). Официально введённые в России и Беларуси запреты и ограничения глубоко затронули жизнь пожилых людей: многие оказались отрезанными от услуг, поддержки и ухода, на которые привыкли рассчитывать ранее. Лишившись возможности реализовывать повседневные практики традиционным способом (посещать магазины, аптеки, поликлинику, общаться с родственниками и знакомыми, оплачивать коммунальные услуги), они зачастую были не готовы одновременно «виртуализировать» их. Обычная в таких случаях поддержка со стороны детей, внуков, консультантов в банке или в отделении почты была недоступна. Как результат, пожилые люди фактически оказались в полной социальной изоляции, что негативным образом сказалось на их психологическом самочувствии и сделало лёгкой мишенью для опасной болезни.

Можно интерпретировать взаимодействие человека с цифровыми технологиями в контексте размышлений о «созидательном разрушении» Й.Шумпетера, который использовал данное понятие как синоним для понятия «инновация» [21]. Действительно, сталкиваясь с новыми задачами (например, ежедневный просмотр в режиме реального времени больших потоков новостей в социальных сетях или необходимость регистрироваться и проходить авторизацию для использования мобильных приложений), индивиды развивают такие когнитивные навыки, как способность к поиску, систематизации, синтезу

и оценке информации, усваивают принципы сетевой безопасности, повышают общую компьютерную грамотность. Сформированные в повседневных практиках навыки уменьшают проявления техностресса, помогают адаптироваться к появлению новых технологий в повседневной жизни (так, освоив электронную почту и научившись искать и систематизировать информацию в интернете, индивид получает возможность заказать доставку продуктов на дом; посмотреть расписание работы специалистов в поликлинике; записаться к врачу с помощью системы электронной регистрации и т. д.). Регулярное использование цифровых продуктов в быту повышает шансы адаптации пожилых людей к цифровым трансформациям в сфере профессиональной деятельности, минимизируя техноэйджизм и его последствия. Очевидно, что меры, направленные на развитие цифровой грамотности пожилых и адаптацию к новым технологиям, окажут позитивное влияние на их техноповедение в повседневных и профессиональных практиках, что, возможно, приведет к нивелированию эффекта техноэйджизма.

Заключение

Техноповедение пожилых горожан и их адаптивность к цифровой трансформации напрямую связаны с доступностью цифровых продуктов в профессиональной и повседневной жизни, возможностями развития цифровых навыков. Наши исследования показали, что «отстраненность» пожилых людей от продуктов цифровизации ведет к нежеланию, недоверию, часто даже боязни осваивать цифровые ресурсы. Глубинные интервью продемонстрировали стереотипы представителей старших возрастных групп, считающих, что «работа по старинки» не менее эффективна. Наблюдали также рефлексию к самоисключению из процессов цифровизации, «я для этого слишком стар».

Закономерно, что техноповедение в профессиональной и повседневной сферах жизнедеятельности во многом тождественны. Более того, они взаимосвязаны: научившись использовать компьютер и интернет для решения повседневных задач (онлайн услуги, контакты с близкими людьми при помощи

мессенджеров и прочее), индивид с лёгкостью применяет эти навыки в профессиональных целях.

Техноэйджизм и техноповедение — взаимообусловленные феномены, первый определяет отношение к субъекту деятельности, второй формирует поведенческую реакцию (приспособляемость) пожилых людей. Как разновидность, техноэйджизм во многом схож с эйджизмом, но имеет ярко выраженные отличительные черты: он основан на стереотипах и дискриминации пожилых людей, для которых «недоступны» («непознаваемы») процессы и продукты цифровой трансформации (иногда из ложной заботы, руководствуясь сформированными стереотипами об их беспомощности). Он чаще бывает автостереотипным, провоцирует техностресс, при этом усиление цифровизации в профессиональной и повседневной жизни только усиливает цифровые разрывы. Техноэйджизм, помимо очевидного негативного влияния на профессиональную жизнь работников старшего возраста, приводит к их зависимости в повседневной жизни, лишает уверенности в своих силах, приучает в решении любых проблем полагаться на других людей (часто более молодых). Он значительно увеличивает риск социальной исключённости, что в кризисных ситуациях (таких как пандемия) может иметь катастрофические последствия.

Результаты проведенных исследований позволяют нам утверждать, что регулярные практики использования цифровых технологий в быту способствуют лучшей усвояемости вводимых инноваций в трудовой сфере. Но для пожилых людей приобщение к «цифре» должно быть простимулировано, скорее, источниками внешней среды. На предложенный в телефонном опросе тезис, что «большинство информационных технологий сегодня можно освоить самостоятельно», лишь 5,2% респондентов 60 лет и старше ответило положительно. Из этого напрашивается вывод о необходимости мер социального порядка, вовлекающих пожилых людей в цифровую среду, обеспечивающих ее доступность, объясняющих полезность и эффективность использования продуктов цифровизации. Социальная политика, направленная на приобщение людей старше 60 лет к процессам и продуктам цифровой трансформации в

повседневной и профессиональной жизни, с нашей точки зрения, способна трансформировать отношение к людям данной возрастной группы, а также их стереотипы поведения, существенно снизив социальные издержки использования пожилыми новых технологий.

Литература:

1. *Государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы* [интернет]. 16 июня 2020 [процитировано 16 июня 2020]. Доступно по: <https://www.bstu.by/uploads/attachments/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC.pdf>
2. *Национальный проект «Цифровая экономика» (сроки реализации 2018–2024 гг.)* [электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCst.pdf> (дата обращения 17.06.2020).
3. *Асочаков Ю.В.* «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестн. СПбГУ (серия 12 «Психология. Социология. Педагогика»). № 2. 2015. С. 93–99.
4. *Волченко О.В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
5. *Жеребин В.М., Махрова О.Н.* Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы, экономика, стратегия. 2015. № 4. С. 5–9.
6. *Park S.* Digital capital. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59332-0>
7. *Van Dijk J.* A theory of the digital divide / In M.Ragnedda, G.W.Muschert (eds.) The digital divide: The internet and social inequality in international perspective. New York, NY: Routledge. 2013. P. 28–51.
8. *Vartanova E., Gladkova A.* New forms of the digital divide / In J.Trappel (Ed.) Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination. Bohus, Sweden: Ale Tryckteam AB. Nordicom, 2019.
9. *Кузнецов А., Сергеева О.* «Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста // Социология власти. 2014. № 3. С. 99–125.
10. *Национальный статистический комитет Республики Беларусь.* Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите. Минск, 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения 25.06.2020).
11. *Федеральная служба государственной статистики РФ* [электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/demo14.xls> (дата обращения 01.07.2020).

12. *Воронин Г.Л., Курьячева М.М.* Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И.Лобачевского (серия «Социальные науки»)*. 2018. № 3 (51). С. 55–65.
13. *Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е.* Адаптация пенсионеров к интернет-среде // *Соц. психол. и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 150–164.
14. *Романычев И.С.* Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции // *Социология и жизнь*. 2013. № 1. С. 64–68.
15. *Колпина Л.В.* Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты. Ульяновск: Зебра, 2015.
16. *Григорьева И.А., Петухова И.С.* Интернет-практики пожилых: 10 лет развития и изучения // *Гос-во и граждане в электронной среде*. 2019. № 3. С. 78–90.
17. *БЕЛТА*: В обществе важно формировать позитивный образ пожилого человека — мнение. Минск, 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by> (дата обращения 05.05.2020).
18. *Романычев И.С.* Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции // *Социология и жизнь*. 2013. № 1. С. 64–68.
19. *Fischer T., Riedl R.* Technostress Research: A Nurturing Ground for Measurement Pluralism // *Commun. Ass. Inform. Systems*. 2017. Vol. 40. P. 375–401.
20. *Корнилова М.В.* Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей // *Изв. Саратовского ун-та. Новая серия «Социология. Политология»*. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 250–259.
21. *Анисимова Ю.А.* Созидательное разрушение как фактор экономического роста // *Вестн. Ивановского гос. ун-та (серия «Экономика»)*. 2016. № 4. С. 6–10.